

DOI: 10.31857/S241377150012298-0

Метафоры глаголов падения в адыгейском языке

© 2020 г. И. Г. Багирокова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института языкознания
Российской академии наук,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,
доцент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ibagirokova@yandex.ru

© 2020 г. Д. А. Рыжова

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Национального исследовательского
университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
daria.ryzhova@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 10 июля 2020 г.

Дата публикации: 31 октября 2020 г.

Резюме. В статье рассматриваются переносные употребления адыгейских глаголов падения *-fe-* ‘упасть’, *wəḵʷerejə-* ‘опрокинуться’, *-zə-* ‘открепиться’, *zexeteqʷe-* / *zexezə-* / *zexefe-* / *zexewe-* ‘рухнуть’ на типологическом фоне. Анализ переносных значений проводится в русле фреймового подхода к лексической типологии, разработанного Московской лексико-типологической группой MLexT: метафорические значения каждого глагола рассматриваются как естественная реализация его семантического потенциала и отражение особенностей его исходной семантики. Инвентаризация переносных употреблений проводится на основе корпусных данных, дополненных опросами носителей.

Исследование показывает, что глагол *wəḵʷerejə-* ‘опрокинуться’ метафор не развивает, а для каждого из остальных адыгейских глаголов падения характерен свой набор семантических сдвигов. Глагол *-fe-*, исходно обозначающий падение с высоты с фокусом на конечной точке перемещения, в своих переносных употреблениях сохраняет ориентацию на конечную точку и развивает метафоры, для которых характерна идея неожиданного совпадения, совмещения двух объектов, ситуаций или параметров. Глагол *-zə-*, в своих прямых употреблениях описывающий падение с высоты в результате открепления и акцентирующий начальный момент перемещения, развивает метафоры потери контакта или утраты того или иного свойства. Наконец, глаголы *zexeteqʷe-* / *zexezə-* / *zexefe-* / *zexewe-*, обозначающие обрушение конструкций, в результате семантического сдвига могут описывать разрушение абстрактных построений или потерю функциональности у человека.

Метафоры глаголов падения, засвидетельствованные в адыгейском языке, очень многочисленны и разнообразны, что для малого языка с молодой письменной традицией скорее неожиданно. При этом в большинстве своем они укладываются в типологию метафор падения, демонстрируя особую реализацию более общих моделей.

Благодарность. Исследование частично поддержано грантом РФФИ № 20-012-00240.

Ключевые слова: адыгейский язык, лексическая типология, глаголы падения, метафоры, фреймовый подход.

Для цитирования: Багирокова И.Г., Рыжова Д.А. Метафоры глаголов падения в адыгейском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 69–86. DOI: 10.31857/S241377150012298-0.

Metaphorical Extensions of the Verbs of Falling in West-Circassian

© 2020 Irina G. Bagirokova

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Associate Professor at the National Research University
Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
ibagirokova@yandex.ru

© 2020 Daria A. Ryzhova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Lecturer at the National Research University
Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
daria.ryzhova@mail.ru

Received by Editor on July 10, 2020

Date of publication October 31, 2020

Abstract. The paper considers metaphoric extensions of the West-Circassian (Adyghe) verbs of falling *-fe-* ‘fall’, *wəḵʷerejə-* ‘topple’, *-zə-* ‘detach’, *zexeteqʷe-* / *zexeze-* / *zexefe-* / *zexewe-* ‘crumple’ in typological perspective. The present analysis of metaphoric meanings is drawn on the frame-based approach to lexical typology created by the Moscow lexical typology group (MLexT): all semantic shifts that the given verbs undergo are considered to be motivated by their literal, physical meanings. Metaphoric uses under discussion have been inventoried through corpus data and supplemented by the survey among native speakers.

The research demonstrates that the verb *wəḵʷerejə-* ‘topple’ has no metaphoric derivations, while the rest of the West-Circassian verbs of falling are each characterized by a specific set of semantic shifts. The verb *-fe-*, which originally refers to falling from a height with the focus on the goal of movement, when used metaphorically, maintains this orientation and serves to cover the situations with the idea of an unexpected coincidence, overlapping of some objects, situations or parameters. The verb *-zə-*, focused on the source point of the movement, in its direct meaning is normally applied to situations of falling from a height caused by detachment. Metaphors, derived from it, denote the loss of a contact or of some properties. The semantic shifts of the verbs *zexeteqʷe-* / *zexeze-* / *zexefe-* / *zexewe-*, describing crumpling in their direct use, entail the meaning of the destruction of abstract constructions or that of a person’s functionality loss.

The number and the diversity of metaphors of falling attested in West-Circassian, a minor language with a young written tradition, is quite unexpected. Still, the majority of them represent specific realizations of more general semantic patterns attested in other languages and thus additionally confirm the recurrence of these patterns across languages.

Acknowledgment. The reported study was partly funded by RFBR, project no 20-012-00240.

Key words: Adyghe, lexical typology, verbs of falling, metaphors, frame-based approach.

For citation: Bagirokova, I.G., Ryzhova, D.A. *Metaforы glagolov padeniya v adygejskom yazyke* [Metaphorical Extensions of the Verbs of Falling in West-Circassian]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 5, pp. 69–86. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150012298-0.

1. Введение

С момента выхода в свет книги Дж. Лакофа и М. Джонсона “Метафоры, которыми мы живем” [1] метафорические сдвиги стали

одним из центральных сюжетов в когнитивной лингвистике. В основном в фокусе внимания исследователей оказывался сам механизм семантического переноса: как происходит сдвиг значения, какова его роль в процессе

коммуникации, как он связан с особенностями мышления человека как биологического вида, с одной стороны, и людей, являющихся носителями разных языков и культур, — с другой, ср. ставшие классическими работы [2], [3], [4] и многие другие. Основным материалом этих исследований — крупные европейские языки, в первую очередь английский. Малые языки без богатой письменной традиции с этой точки зрения почти не исследованы, и в основном их материал привлекается как экзотический: нередко считается, что в таких языках метафор в целом мало, а если они и есть, то в большинстве случаев культурно специфичные, ср. [5].

В этой статье мы рассмотрим, какие семантические сдвиги развивают глаголы падения в литературном адыгейском языке, и представим их в ином свете. Во-первых, мы покажем, что у адыгейских глаголов падения не меньше метафорических значений, чем у их переводных эквивалентов в других языках, в том числе крупных европейских. Во-вторых, мы будем рассматривать эти значения и механизмы их формирования на типологическом фоне и продемонстрируем, что метафоры падения в адыгейском хоть и не повторяют в точности европейские, но развиваются по тем же моделям и полностью соответствуют главному общему принципу (согласно [6]), а именно отражают особенности исходной семантики слова.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 мы опишем методологию сбора и анализа данных, которой мы придерживались. Раздел 3 будет посвящен краткому обзору особенностей буквальных употреблений адыгейских глаголов падения. В разделе 4 будут представлены метафорические сдвиги, которые нам удалось выявить. Наконец, в разделе 5 мы сформулируем некоторые теоретические выводы и обозначим направления для дальнейших исследований, которые кажутся нам наиболее перспективными.

2. Методология

Мы опираемся на фреймовый подход к анализу лексических данных (см. [6], [7]), который позволяет системно исследовать модели семантических переходов в разных языках. Согласно этой парадигме, в каждом семантическом поле можно выделить ряд прототипических ситуаций (“фреймов”), которые могут быть противопоставлены лексически в том или ином языке. Такие ситуации отличаются друг от друга по определенным

параметрам, а значит, характеризуются различным семантическим потенциалом, и эти различия проявляются в том числе в переносных употреблениях соответствующих слов: исследования показывают, что разные фреймы становятся источниками для разных метафор (см., например, [8] и [9]), а модели метафорических сдвигов повторяются от языка к языку (см. также Каталог семантических переходов Анны А. Зализняк [10] как независимое подтверждение этого положения).

В качестве теоретической базы для данного исследования мы используем результаты проекта группы MLexT по типологии глаголов падения [11], в ходе которого был сформирован набор возможных противопоставлений внутри прямых, буквальных употреблений глаголов падения в языках мира (подробнее об этом см. в разделе 3), а также очерчены основные направления семантических расширений слов с такой исходной семантикой.

Особенностью методологии фреймового подхода, унаследованной от Московской семантической школы (см., например, [12]), является опора на сочетаемость рассматриваемых лексем как на главный индикатор сходств и различий в их семантике. И если для анализа прямых употреблений слов, обозначающих физические действия или признаки, существуют методологические альтернативы (ср. психолингвистический подход Института имени Макса Планка, отраженный, например, в работах [13], [14], [15] и мн. др.), то абстрактные значения, по-видимому, невозможно изучать иными способами. Поэтому и мы в своем исследовании анализируем в первую очередь контексты употребления интересующих нас слов.

В словарях (см., например, [16], [17]) информация такого рода представлена очень скудно: помимо того, что в словарных статьях приведены не все значения глаголов падения, лишь некоторые из них снабжены примерами. Чтобы выявить, в каких контекстах за пределами зоны буквального движения вниз употребляются рассматриваемые глаголы, мы использовали анкету, составленную группой MLexT, в которой перечислены и проиллюстрированы основные типы метафорических сдвигов, свойственные глаголам падения. Однако если в случае с анализом буквальных употреблений слов использование такого инструмента неизменно дает хороший результат, то идентифицировать возможные метафорические

значения на основе специально разработанной типологической анкеты оказалось сложно (мы обсудим возможные причины такого эффекта в Заключение). Самым богатым источником данных в нашем случае оказался корпус оригинальных и переводных текстов на адыгейском языке (<http://adyghe.web-corpora.net/>). Итоговые списки значений получены путем сплошного анализа примеров употребления глаголов падения в корпусе, уточненные, проверенные и дополненные с помощью опросов носителей.

Отдельно подчеркнем, что в рамках этой работы мы не ставим перед собой задачу поиска оптимального определения понятия метафоры. Мы будем считать прямыми все значения глаголов падения, в которых присутствует компонент неконтролируемого физического движения вниз по воздуху без контакта с поверхностью, а переносными — все те случаи, когда физическое перемещение сменяется на абстрактное или же когда тот или иной компонент исходной ситуации полностью стирается. При этом мы не стремимся к последовательному разграничению различных типов семантических сдвигов, поэтому термины “переносное значение” и “метафора” мы будем употреблять как синонимичные, лишь в некоторых случаях специально обсуждая природу и механизм того или иного перехода. Мы также старались включить в рассмотрение только более или менее продуктивные классы переносных употреблений интересующих нас лексем, не принимая во внимание устойчивые выражения, в которых нет никакой вариативности в заполнении той или иной валентности глагола.

3. Адыгейские глаголы падения

Как показывают типологические исследования, семантическое поле падения сложно организовано и включает в себя множество параметров для лексических противопоставлений. Можно условно выделить четыре основные зоны (“фрейма”), которые чаще всего маркируются в языках выборки:

1) падение объекта целиком с приподнятой поверхности вниз — падение с высоты (ср. *Ваза упала с тумбочки на пол*);

2) потеря жестким вытянутым объектом вертикальной ориентации (ср. *Дерево упало*);

3) падение в результате открепления от начальной точки, в которой объект был достаточно

прочно зафиксирован (ср. *Плащ сорвался с крючка; С головы слетела шляпа*);

4) падение с разрушением (ср. *Здание рухнуло; Берег обвалился*).

Во многих языках (например, в русском, английском, баскском, тигринья, корейском, турецком и даже в близкородственном адыгейскому кабардино-черкесском) наблюдается так называемая доминантная система лексикализации этого поля, при которой один глагол способен покрывать три или четыре из перечисленных фреймов (хотя обычно при этом существует ещё ряд слов с более узким значением, выделяющих лексически тот или иной фрейм). В адыгейском же для каждого из этих типов ситуаций есть особые глагольные основы и нет такого слова, которое могло бы передавать все прямые значения поля падения: падение сверху вниз (фрейм 1) описывается глагольной основой *-fe-*; потеря вертикальной ориентации (фрейм 2) — основой *wəḵ^werejə-*; падение с откреплением (фрейм 3) — *-zə-*; падение с разрушением (фрейм 4) — глагольными основами из смежных зон *-we-* ‘бить’, *-teq^we-* ‘сыпаться’, а также *-zə-* ‘открепляться’, специализирующейся на фрейме 3, и *-fe-* ‘падать’, основной зоной употребления которой является фрейм 1.

Такая лексическая диверсификация на уровне прямых значений делает адыгейский материал особенно ценным для типологии метафор, позволяя уточнить семантические источники характерных для глаголов падения метафорических сдвигов. Кроме того, у адыгейского языка есть ещё одна особенность, морфосинтаксического характера, которая дает возможность ещё точнее восстановить исходную пространственную ситуацию, которая ложится в основу метафоры: локативные участники при адыгейских предикатах вводятся с помощью специальных префиксов, отражающих некоторые свойства соответствующего актанта (например, является ли локативный участник поверхностью vs. контейнером vs. огороженным пространством и т.п.). В случае с глаголами падения такие префиксы вводят начальную или конечную точку движения, причем, поскольку в глагольной словоформе есть только один слот для локативного показателя (подробнее об этом см. [18]), каждый предикат вводит либо только начальную точку, либо конечную, попутно уточняя, является ли эта точка поверхностью, контейнером, огороженным пространством и т.д.

Глагольная основа *-fe-*, покрывающая фрейм падения сверху, почти всегда оформляется тем или иным локативным префиксом, который вводит именно конечную (ср. *упал на пол*), а не начальную точку движения. Для того чтобы выразить поверхностно начальную точку (упал с полки), необходимо оформить основу комбинацией аффиксов *je-...-xə*, в которой первый элемент — дативный префикс, индексирующий в данном случае начальную точку, а второй — директивный аффикс со значением ‘вниз’.

Основа *wəḵ^werejə-* обычно употребляется без локативных префиксов (начальная и конечная точки перемещения в таком случае остаются поверхностно не выраженными, ср. пример (1)). В случае же если основа оформляется локативным префиксом, он всегда вводит конечную точку (2), начальная точка для ситуаций такого типа нерелевантна в принципе¹.

(1) *чбыгыр укIорэигъ.*

ṣəgə-г wəḵ^werejə-в.
дерево-ABS падать.ELAT-PST
‘Дерево упало’ [носитель]

(2) *чбыгыр унашъхъэм теукIорэигъ.*

ṣəgə-г wənaʃhe-m tje-wəḵ^werejə-в
дерево-ABS крыша-OBL LOC-падать.LAT-PST
‘Дерево упало на крышу дома’ [носитель]

Корень *-zə-* является связанным: он никогда не употребляется без локативного префикса, который вводит только начальную, но не конечную точку перемещения (*сорвался с крючка*).

Для падения с разрушением не релевантны ни начальная точка, ни конечная. Глаголы в этом значении всегда оформляются показателем реципрока *ze-* в комбинации с префиксом *xe-* (*zəxewe-*, *zəxeteq^we-*, *zəxəzə-*, *zəxefe-*), обычно отвечающим за ввод локативного участника, в роли которого выступает вещество (жидкость, однородная масса и т.п.). В дальнейшем мы будем рассматривать глагольные корни *-we-* и *teq^we-* только в сочетании с аффиксами *ze-xe-*, поскольку в составе других словоформ они обозначают ситуации, не относящиеся к полю падения.

4. Метафоры адыгейских глаголов падения

Подробный анализ корпусных данных показывает, что употребления в том или ином

переносном значении характерны для всех адыгейских глаголов падения, кроме *wəḵ^werejə-*, относящегося к фрейму потери вертикальной ориентации (мы встретили в корпусе только один пример, где этот глагольный корень был употреблен метафорически, и носителям он кажется окказиональным). Этот глагол будет исключен из дальнейшего изложения, и в последующих разделах мы рассмотрим метафорические употребления глагольных корней *-fe-* (раздел 4.1) и *-zə-* (раздел 4.2) с различными локативными аффиксами, а также глагольных основ *zəxeteq^we-*, *zəxewe-*, *zəxəzə-* и *zəxefe-* (раздел 4.3). При анализе переносных употреблений адыгейских глаголов мы будем опираться на классификацию метафор падения, предложенную в [19] и несколько модифицированную нами с учетом нашего материала.

4.1. Метафоры падения с высоты: *-fe-*

Глагольный корень *-fe-* исходно обозначает падение объекта с высоты (фрейм 1) и комбинируется с различными локативными морфемами. В сочетании с разными аффиксами он формирует множество различных семантических сдвигов, которые мы и рассмотрим ниже.

4.1.1. Снижение уровня: *(q)jefexə-*

Показатель *je-...-xə* (DAT-...-DOWN), как уже было сказано в разделе 3, позволяет глагольному корню *-fe-* вводить начальную точку движения. Именно в таком морфологическом оформлении корень *-fe-* развивает параметрическую метафору “меньше / хуже = ниже” (известную как *Less is Down*, см. [1], а также [19]), встречающуюся и во многих других языках, ср. русск. *цены упали*. В этом значении глагол *(q)jefexə-* описывает ситуацию уменьшения количества или объема чего-либо, см. примеры (3)–(4).

(3) *Унэр тицэнэуи уахътэ тилэгъэн, ницэнэштми, зыщэфыштыр гъотыгъуае, уасэхэри кьэфэхыгъ.*

wəne-г t-š'e-n-ew-jə
дом-ABS 1PL.ERG-продавать-MOD-ADV-ADDB
waḵte t-jə-ʔa-в-ер,
время 1PL.IO-POSS-БЫТЬ-PST-NEG
p-š'e-pe-š't-m-jə
2SG.ERG-продавать-ASRT-FUT-COND-ADD

zə-š'efə-š'tə-г k^wetə-k^waje

REL.ERG-покупать-FUT-ABS находить-DFCL,

wase-xe-r-jə q-je-fe-xə-в.

цена-PL-ABS-ADD DIR-DAT-падать-DOWN-PST

‘Да и некогда нам было дом продавать, а и захочешь продать, покупателя найти сложно, да и цены упали’. [Адыгэ Макъ 21.08.2012]

(4) ... *зэкIэ гъэзетхэми ятираж кьэфэхы.*

zeč'e kəzjet-xe-m-jə
все газета-PL-OBL-ADD

ja-tjəgaž q-je-fe-xə.

3PL.IO+POSS-тираж DIR-DAT-падать-DOWN

¹ Заметим, что основа *wəḵ^werejə-*, как и *-fe-*, может оформляться комбинацией аффиксов *je-...-xə* и вводить при этом начальную точку. Важно, однако, то, что в таких случаях глагол обозначает не потерю вертикальной ориентации, а особый тип падения сверху вниз, при котором падающий объект часто “переваливается” с боку на бок (ср. русск. *свалился / вывалился*).

‘...и тираж всех газет **падает**’. [Адыгэ Макъ adyvoice.ru 2011.03.21]

В таких контекстах физическое движение вниз сменяется абстрактным снижением уровня, а условной начальной точкой при этом выступает исходное положение дел, по отношению к которому и наблюдается описываемое при помощи *-fe-* уменьшение количества / объема. Локативный актант, который в случае использования *-fe-* в буквальном значении может вводиться дативным префиксом, в подобных контекстах, по-видимому, семантически инкорпорирован и не может быть выражен поверхностно. Можно было бы ожидать, что структурирование абстрактной ситуации снижения уровня через посредство идеи физического падения сверху вниз могло бы привести к своеобразному наследованию семантических ролей: исходное значение изменяющегося параметра могло бы выступать в качестве начальной точки движения, а итоговое значение — в качестве конечной (ср. *Упал с 5% до 1%*). Однако в адыгейском языке, с морфосинтаксической точки зрения, такого не происходит: исходное и итоговое значения параметра индексируются иначе, чем начальная и конечная точка падения. Так, поверхностное выражение исходного значения параметра при глаголе *qjefexə-* невозможно в принципе (при необходимости его выразить глагол заменяется на *qjexə-* ‘спускаться’), а итоговое значение вводится с помощью конструкции с послелогом *nes* ‘до’ (см. пример (5)), возможно, калькированной с русского (ср. *Уровень безработицы упал до 6%*; подробнее о таких конструкциях в русском языке см. [20]).

(5) *процентит* Iум кѣхи зы процентым нэс кѣфэхыгъ.

presjent-jə-tʷə-m	q-je-x-jə	
процент-LNK-два-OBL	DIR-DAT-спускаться-ADD	
zə	presjentə-m	nes
один	процент-OBL	до
q-je-fe-xə-к.		

DIR-DAT-падать-DOWN-PST

‘упал с двух процентов до одного’. [носитель]

Эта же морфологическая конструкция с корнем *-fe-* используется в том числе для маркирования внешних признаков эмоционально подавленного человека. В таких случаях основа *qjefexə-* употребляется в составе устойчивых сочетаний с такими именами, как *she* ‘голова’, *maqe* ‘голос’, *temeqəshehe* ‘плечи’, *gʷə* ‘сердце’, см. пример (6).

(6) — *Саид ымакѣ кѣфэхыгъ, етланэ зигѣэкѣыезэ, хэгубжыкѣыгъ.*

sajəd	ə-maqe	
Саид	3SG.PR-голос	
q-je-fe-xə-к.		jeʃane
DIR-DAT-падать-DOWN-PST		затем
z-jə-ke-pqəje-ze,		
RFL.ABS-3SG.ERG-CAUS-твердый-SIM		
xe-gʷəbžə-čʷə-к.		

LOC-сердиться-выходить-PST

‘Голос Саида упал, потом он, пытаюсь казаться жестче, рассердился’. [КъокIыпIэмрэ Къухьэ-пIэмрэ МэщбэшIэ Исхьакъ]

Аналогичную метафору (“Less / Bad is Down”), но с оттенком более резкого снижения абстрактного уровня в адыгейском языке развивает также глагол *qjewexə-* (7), образованный по той же морфологической схеме (DAT-...-DOWN) от корня *-we-* ‘бить’ и способный в своих букваль-ных употреблениях описывать падение сверху тяжелых предметов (ср. русск. *рухнуть, обрушиться*), а также обрушение моста или потолка, тоже предполагающее падение тяжелого объекта с высоты, но не здания или сооружения, где профилируется скорее потеря целостности объекта, чем движение сверху вниз.

(7) *Джы долларым ыуасэ кѣохыгъ, сомэ 57-рэ фэдиз мэху.*

žə	dwellarə-m	ə-wase
сейчас	доллар-OBL	3SG.PR-цена
q-je-we-xə-к.		sweme
DIR-DAT-бить-DOWN-PST		рубль
57-re	fedjəz	me-χʷə.
57-сом	около	DYN-случаться

‘Сейчас цена доллара рухнула и составляет около 57 рублей’. [Адыгэ Макъ 13.06.2017]

4.1.2. Потеря функциональности у человека: *fexə-*

Сочетание *fe-* + *-xə* “падать-спускаться” с результирующим значением ‘пасть, погибнуть’ используется только для описания гибели человека (как правило, на войне, см. (8)) и не употребляется ни в одной из ситуаций собственно падения. Заметим, однако, что типологически это значение естественным образом связывается с буквальным падением человека (упал — значит, умер), и наш материал не нарушает эту закономерность: потеря вертикальной ориентации у человека в адыгейском языке может описываться с помощью корня *-fe-*, ср. (9).

(8) *1944-рэ илѣсым зэо пхъашэм хэлэжыэзэ, адыгэ клалэр фэхыгъ.*

1944-re	jəlesə-m	zewe
1944-ORD	год-OBL	война
pxəše-m		xe-lažʷe-ze
суровый-OBL		LOC-работать-SIM

adəge č'ale-ŋ fe-xə-ŋ.
 адыг парень-ABS падать-DOWN-PST
 'В 1944-м году, участвуя в суровой войне, погиб
 этот адыгейский парень'. [Адыгэ Макъ 11.05.2010]

(9) А. Кулумбеговыр "дахэу" тефагъ.
 a. k'əlwəmbjegeɔ-ŋ daɔ-ew tje-fa-ŋ.
 А. Кулумбегов-ABS красивый-ADV LOC-падать-PST
 'А. Кулумбегов "красиво" упал'. [Адыгэ Макъ
 01.11.2011]

Корень *xə-*, присоединяющийся в данном случае к *-fe-* 'падать', многозначен и в зависимости от присоединяемых локативных префиксов приобретает значения 'спускаться', 'косить', 'отпиливать', 'выносить', 'отбирать'. В [21, с. 54] высказывается предположение, что в данном случае мы имеем дело с конструкцией STEM-*xə*, где *xə* — некогда существовавший в адыгейском языке несвязанный глагольный корень 'спускаться, удаляться', который мог выступать с динамическим префиксом *те-* (ср. *те-хə* 'он исчезает'). В настоящее время он не употребляется автономно, но в качестве словообразовательного суффикса используется в таких глаголах, как *bzexə* ('резать'-*xə*) 'исчезнуть', *šhexə* ('голова'-*xə*) 'лениться'. Второй элемент комбинации *je-...-xə* DAT-...-DOWN, рассмотренной нами в предыдущем разделе, по-видимому, также восходит к глаголу *xə-* 'спускаться', но представляет собой его более грамматикализованную форму.

4.1.3. Неконтролируемое совмещение: комбинации *-fe-* с локативными префиксами

В сочетании с различными локативными префиксами глагольный корень *-fe-* исходно обозначает падение сверху вниз с акцентом на конечной точке: участника именно с этой ролью вводит локативный показатель, тогда как поверхностное выражение начальной точки движения при таком предикате невозможно. В конструкциях с переносным значением этот актант так или иначе сохраняется и, как правило, выражается эксплицитно. Значение глагола при этом зависит от того, какого типа объекты или понятия заполняют при нем валентности траектора и конечной точки.

Модель 1: случайный контакт

Траектором при глаголе падения может быть неодушевленный объект, движение которого не в полной мере контролируемо (например, мяч, камень или пуля), а потому и его контакт с конечной точкой расценивается как в той или иной степени случайный (10), ср. русск. *попасть*. В этом случае мы имеем дело с буквальным, физическим перемещением

конкретных объектов, для которого, однако, уже неважно направление сверху вниз: от исходной ситуации падения сохраняется только идея неконтролируемости, которая в данном случае позволяет сделать акцент на неожиданности завершения перемещения именно в этой конечной точке. Аналогичная полисемия засвидетельствована, например, в казымском диалекте хантыйского языка [22], ср. также русск. *попасть*, восходящее к семантике падения.

(10) Иляс ыІэ щэр кытефагъ.
 jəljəs ə-ʔe š'e-ŋ
 Ильяс 3SG.PR-рука пуля-ABS
 qə-tje-fa-ŋ.
 DIR-LOC-падать-PST
 'Пуля попала Ильясу в руку'. [Адыгэ Макъ
 04.05.2011]

Похожая модель наблюдается в случаях, когда в качестве траектора при глаголе падения выступает взгляд, а в роли конечной точки — предмет, который случайно попадает в поле зрения (11).

(11) Синэлъэгъу тефагъ клэлэгъаджэу кысэлъырым.
 s-jə-nepɫek'w tje-fa-ŋ č'elejeɔaʒ'-ew
 1SG.IO-POSS-взгляд LOC-падать-PST учитель-ADV
 qə-s-e-ɾlə-ŋe-m.
 DIR-1SG.IO-DAT-смотреть-DYN-OBL
 'Мой взгляд упал на учителя, который смотрел на меня'. [Адыгэ Макъ 06.02.2017]

В роли абстрактного субъекта падения может выступать человек и участвовать в этом случае в разных ситуациях, требующих метафорического прочтения глагола падения. Во-первых, человек может "упасть" на другого человека (глагол при этом оформляется локативом *tje-*, т.е. конечная точка классифицируется как поверхность), и такая ситуация в адыгейском языке переосмысливается как случайная встреча на жизненном пути (пример (12)). Похожую модель встречаем, например, во французском, где доминантный глагол *tomber* в сочетании с предлогом *sur* 'на' может передавать значение случайной встречи [23]. Во-вторых, основа со значением падения на поверхность *tjefe-* используется для обозначения ситуации случайного попадания куда-то при звонке по телефону (13).

(12) Синасытти, хысапымклэ клэлэгъаджэу лыжъ шлагъо горэм сытефагъ.
 s-jə-nasəp-tjə, hjesəpə-m-č'e
 1SG.IO-POSS-счастье-CS арифметика-OBL-INS
 č'elejeɔeʒ'e ʎəʒ' šəw'e
 учитель старик чудесный
 g'we-ŋe-m sə-tje-fa-ŋ.
 некий-OBL 1SG.ABS-LOC-падать-PST

‘К счастью, я встретил (букв. “упал на”) прекрасного старика — учителя математики’. [Чыгу-огу зэнэсым сыда шыэр? Мэщбэшлэ Исхьяк]

(13) *Поликлиникэр ара сызытефагээр?*

pejəkljənəke-г а-г-а
поликлиника-ABS TOT-PRED-Q

сə-zə-tje-fa-ke-г?

1SG.ABS-REL.IO-LOC-падать-PST-ABS

‘Я попал в поликлинику?’ [Адыгэ Макъ 07.08.2017]

Модель 2: неконтролируемый выбор

В абстрактной ситуации падения человек может выступать не только в качестве траектора, но и играть роль конечной точки (глагол при этом также оформляется локативом *tje-* — за одним исключением, о котором мы скажем ниже). В зависимости от того, что именно “падает” на человека, глагол принимает несколько разные значения.

Прежде всего, человеку может выпасть жребий. Эта метафора встречается во многих языках, и в большинстве из них она, по-видимому, является калькой. Можно предположить, что то же самое верно и в нашем случае, учитывая, что такие примеры встречаются в основном в переводных источниках, ср. (14).

(14) *Etlanə nxədz aulu, nxədzыр Матфый тефагъ*

jetane рхез а-š-jə
затем жребий 3PL.ERG-делать-ADD

рхезə-г matfəj **tje-fa-к**

жребий-ABS Матфий LOC-падать-PST

‘И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию’. [Библия [Деян. 1: 26]]

Однако при этом для основы *tjefe-* с человеком в роли конечной точки характерны и такие употребления, которые сложно назвать калькирующими. Так, например, человеку может “достаться” некоторая должность, позиция или ценный предмет — как бы упасть на него сверху (15). Это событие может быть ожидаемым или, по крайней мере, предсказуемым, однако оно не контролируется наблюдателем — человеком, играющим роль конечной точки “падения”, — и в этом смысле такого рода переносные значения можно назвать неконтролируемым выбором. Закономерным развитием этого значения является идея долженствования: если на человека “упала сверху” какая-то обязанность, он должен ее выполнить² (16).

² Заметим, что, например, в хинди-урду, панджаби и гуджарати такое употребление глаголов с исходной семантикой падения грамматикализовано: глаголы х-у. *parṇā*, п. *raiṇā*, г. *parvū* участвуют в формировании грамматических конструкций со значением долженствования [24].

(15) *Льэгъунхъ, ролэу кыитефагээр ие шынкъ нломи ухэкъоштэн.*

лэкъэрх, rwel-ew

симпатичный роль-ADV

qə-tje-fa-ke-г jə-jə

DIR-LOC-падать-PST-ABS POSS-Иметься

šərq p-ʔwe -m-jə

правда 2SG.ERG-говорить-COND-ADD

wə-xe-wəqwe-šʔt-ep.

2SG.ABS-LOC-ошибаться-FUT-NEG

‘Симпатичная, не ошибешься, если скажешь, что доставшаяся ей роль — действительно ее’. [Адыгэ Макъ 17.08.2016]

(16) *О зыукъэбыжыныр кыитефэрэба?*

we zə-wə-wəqebzə-žʔə-nə-г

ты RFL.ABS-2SG.ERG-чистить-RE-MOD-ABS

qə-p-tje-fe-re-ba?

DIR-2SG.IO-LOC-падать-DYN-EMPH

‘А не следует ли тебе очиститься?’ [Кьурлан [79.18]]

Интересное значение развивает глагольный корень *-fe-*, оформленный локативным показателем *ʔwə-* ‘возле, рядом’ (букв. “упасть рядом”). Будучи употребленным метафорически (с человеком в роли конечной точки), глагол приобретает значение ‘достаться / перепасть’ (роль условного траектора могут выполнять как предметные, так и абстрактные имена). Это значение очень близко к только что рассмотренной метафоре глагола *tjefe-*, однако в данном случае совершившееся событие представляется как изначально маловероятное, ср. примеры (17)–(18), а также русск. *перепасть*.

(17) *Тыгъуасэ щегъэжыагъэу, псы фэшъхаф, зы лүлхъи лүфагъэн.*

təkwase šʔ-je-ke-žʔa-k-ew,

вчера LOC-DAT-CAUS-отправляться-PST-ADV

psə fe-šhaf,

вода BEN-отдельный

zə ʔwəlh-jə **ʔwə-fa-k-ep.**

один кусок-ADD LOC-падать-PST-NEG

‘Со вчерашнего дня, не считая воды, ему и крошки в рот не попало’. [Айшэт Мэщбэшлэ Исхьяк]

(18) *Цырацэ инэплэгъу фаби Жъажые лүфагъ*

səgase jə-perlekʷ fab-jə

Цыраца POSS-взгляд теплый-ADD

zəžəje **ʔwə-fa-к.**

Жажий LOC-падать-PST

‘Жажий удостоился теплого взгляда Цырацы’. [Адыгэхэр Мэщбэшлэ Исхьяк]

Модель 3: совпадение

С помощью глагола падения с высоты *-fe-*, оформленного локативным префиксом *tje-* (тип конечной точки — поверхность), в адыгейском языке могут также описываться совпадения по одному из нескольких параметров:

- 1) по времени (19);
- 2) по признакам объектов (20);
- 3) по времени и месту: человек случайно оказывается в определенном месте в определенное время и застает то или иное событие или положение дел; синтаксически событие может обозначаться как существительным (21), так и целой клаузой (22).

(19) *Икэлэцлыкүгьор Хэгъэгү зеошхом илэхъанэ тефагъ.*
 jə-č'ełeçəq'wəw'e-ŋ хевег^w zewe-šx'w'e-m
 POSS-детство-ABS страна война-AUG-OBL
 jə-łəxəne **tje-fa-к.**
 POSS-период LOC-падать-PST
 'Его детство пришлось на Великую Отечественную войну'. [Адыгэ Макъ 23.06.2015]

(20) *Бэмэ яшIошIыхэр зэтефагъэх.*
 be-me ja-š'w'ešə-xe-ŋ
 много-OBL.PL 3PL.IO+POSS-мнение-PL-ABS
ze-tje-fa-к-к.
 REC.IO-LOC-падать-PST-PL
 'Мнения многих совпали'. [Адыгэ Макъ 23.05.2013]

(21) *Алия ятэу Стлашгү Хыкмат, ац ишхъэгъусэу Мазаз, ишхъаишгү Абир ыкли ац исабийхэу Анзоррэ Разэрэ Адыгеим кьэклуагъэхэу унчIэхъажьым кьытефагъэх.*

aljəja	j-at-ew	stəš'w	
Алия	POSS-отец-ADV	Сташ	
hjakmat,	a-š'	jə-šhekwəs-ew	
Хикмет	TOT-OBL	POSS-супруг-ADV	
Mazaz,	jə-pšəš-ew	abjər	əč'jə
Мазаза	POSS-девушка-ADV	Абир	и
a-š'	jə-sabəj-x-ew		
TOT-OBL	POSS-ребенок-PL-ADV		
anzwer-ge	gaze-ge	adəgjeje-m	
Анзор-COORD	Раз-COORD	Адыгея-OBL	
qe-k'w-a-ke-x-ew			
DIR-приходить-PST-PL-ADV			
wəneçəhaž'ə-m	qə-tje-fa-к-к.		
новоселье-OBL	DIR-LOC-падать-PST-PL		

'Отец Алии Сташ Хикмат, его жена Мазаза, дочь Абира со своими детьми Анзором и Разом, приехав в Адыгею, попали на новоселье'. [Адыгэ Макъ 02.09.2013]

(22) *Сэ сыхъэкIэ сырыраз фэIо-фаиIэр кьызэрэс-фагъэцклагъэм, цIыфыби чIэмытэу сьтефагъ.*

se t'šhe-č'e	sə-gə-raz
я I SG.PR+голова-INS	I SG.ABS-TRANS-довольствоваться
feʔ'w'e.fəše-ŋ	услуга-ABS
qə-zere-s-f-a-ke-ceç'a-m	
DIR-REL.FACT-I SG.IO-BEN-3PL.ERG-CAUS-исполнять-PST-OBL	
sə-tje-fa-к.	
I SG.ABS-LOC-падать-PST	
çe-mə-t-ew	sə-tje-fa-к.
LOC-NEG-стоять-ADV	I SG.ABS-LOC-падать-PST

'В отношении себя я доволен, что мою просьбу выполнили, и я пришел как раз тогда, когда там не было много народу'. [Адыгэ Макъ 31.01.2017]

Первые два типа совпадений симметричны, и глагол в таких случаях может оформляться показателем реципрока *ze-* (букв. "упасть друг на друга"), ср. пример (20), а также (23).

(23) *Иеджэнрэ Хэгъэгү зеошхомрэ зэтефагъэх.*
 jə-jež'en-ge хевег^w
 POSS-учеба-COORD страна
 zewe-šx'w'e-m-ge
 война-AUG-OBL-COORD
ze-tje-fa-к-к.
 REC.IO-LOC-падать-PST-PL
 'Его учеба и Великая Отечественная война совпали'. [Адыгэ Макъ 18.04.2012]

Модель 4: расходование ресурса

Траектором при глаголе падения с высоты *-fe-* также может быть ресурс (деньги, время, материалы), который тратится на какие-либо нужды, выступающие, соответственно, в роли конечной точки, см. пример (24). Примечательно при этом, что ситуация расходования ресурса оформляется как неконтролируемая: фигура агенса в такой конструкции не эксплицируется, ср. русск. *Пять тысяч ушло на покупку ...* vs. *Я потратил пять тысяч на покупку...* Позицию локатива при глаголе снова занимает показатель *tje-*.

(24) *ЕджанIэм щырищыкIэгъэцт пкьыгъохэм сомэ мини 4 фэдиз атефагъ.*

jež'ape-m	š'ə-r-jə-š'əç'e-ke-š't	
школа-OBL	LOC-LOC-3SG.ERG-нуждаться-PST-FUT	
rqəkw'e-xe-m		
предмет-PL-OBL		
sweme	mjən-jə	4
рубль	тысяча-ADD	4
fedjəz	a-tje-fa-к.	
около	3PL.IO-LOC-падать-PST	

'На принадлежности, которые понадобятся в школе, ушло (букв. "упало") около четырех тысяч рублей'. [Адыгэ Макъ 26.08.2015]

Модель 5: вхождение в состояние

В ситуациях, рассмотренных нами к этому моменту, абстрактные конечные точки "падения" представлялись преимущественно как поверхности — вводились соответствующим локативом *tje-*. Поверхность — это наименее маркированный тип конечной точки при глаголах падения, поскольку по умолчанию объект падает на пол или на землю — т.е. как раз на поверхность. Возможно, именно поэтому основа *tjefe-* может употребляться в большом количестве разнообразных метафорических контекстов.

Но есть и ряд случаев, когда в роли конечной точки выступают абстрактные сущности, которые концептуализируются как вещества (локатив *xe-*), контейнеры (*jə-*), разного рода огороженные пространства (*de-* и *çe-*). Все эти типы конечной точки маркированы по сравнению с дефолтной поверхностью, и они все объединены общим семантическим свойством: попадая в них, траектор оказывается

в закрытом пространстве, из которого сложно вернуться в исходное положение. Эта идея отражается на метафорических употреблениях соответствующих основ: сочетания корня *-fe-* с локативными префиксами *хе-*, *ја-*, *де-* или *џе-* обычно порождают значения вхождения в то или иное состояние.

Так, например, человек может попасть в чужую страну (25) или в какое-то заведение (театр, тюрьму, больницу и т.п., см. (26)). В таких ситуациях имеет место физическое перемещение, но, аналогично тому, что мы уже наблюдали в случае с моделью 1, это перемещение не направлено сверху вниз, и от исходной ситуации падения оно сохраняет только неконтролируемость. При этом, в отличие от модели 1, которую мы охарактеризовали как случайный контакт, ситуация попадания в заведение или страну предполагает некоторое результирующее состояние — последующее нахождение траектора в той конечной точке, в которую он попал.

(25) *1943-рэ илџэсым, Хэгџэгу ззошхом илџэхбан, Клубэ Шэбанэ Іэклыб хэгџэгу ифагџ.*

1943-ге	јәлеса-м,	хекег ^w
1943-ORD	год-OBL	страна
zewe-šx ^w e-m	ја-лехан,	
война-AUG-OBL	poss-период	
к ^w әбе	šebane	ʔeč ^ʔ әб
Кубов	Шабан	иностранный
хекег ^w	ја-фа-в.	
страна	LOC-падать-PST	

‘1943-м году во время Великой Отечественной войны Кубов Шабан попал в чужую страну’. [Адыгэ Макъ 25.01.2017]

(26) *Лџэсрыклор сымџџэжыщым члџафгџ.*
 лџсгәк^we-г сәмеž^ʔeš^ʔә-м џе-фа-в.
 пешеход-ABS больница-OBL LOC-падать-PST
 ‘Пешеход попал в больницу’. [Адыгэ Макъ 09.08.2010]

На несколько более абстрактном уровне в качестве конечной точки перемещения траектора могут выступать объединения и организации (например, ребенок может попасть в плохую школу), а также этапы каких-то мероприятий. Так, можно попасть в финал соревнований (27) — т.е. тоже перейти в новое состояние.

(27) *Тикомандэ ешІэкІэ дэггу кыггэлџагџуи, финалым хџафгџ.*

t-jə-k ^w emande	ješeč ^ʔ e	dev ^w
1PL.IO-POSS-команда игра	хороший	
q-ə-ke-лак ^w -ја		
DIR-3SG.ERG-CAUS-быть видимым-ADD		
fjənalə-m	хе-фа-в.	
финал-OBL	LOC-падать-PST	

‘Наша команда показала хорошую игру и попала в финал’. [Адыгэ Макъ 23.07.2013]

Наконец, конечной точкой абстрактного перемещения может быть эмоциональное состояние или некоторая ситуация: человек может попасть (букв. “упасть”) в затруднительное положение (28), впасть в беспокойство (букв. “в голову-сердечную боль”, пример (29)) или в спешку (30). Эта модель чрезвычайно распространена в языках выборки, на основе которой проводилось исследование [19]. Она засвидетельствована в русском, английском, немецком, финском, казахском, турецком, корейском, японском и в некоторых других языках.

(28) *Р. Шыумафэм зэрилџытагџэмклэ, тикомандэ члџынлэ кын ифагџ...*

г. š ^h awəmafe-m	zer-jə-ləta-ke-m-č ^ʔ e
Р. Шумахов-OBL	REL.MNR-3SG.ERG-считать-PST-OBL-INS
t-jə-k ^w emande	
1PL.IO-POSS-команда	

čəp ^ə	qjəp	ја-фа-в...
место	трудный	LOC-падать-PST

‘Как считает Р. Шумахов, наша команда попала в тяжелое положение’... [Адыгэ Макъ 16.08.2012]

(29) *Фахри ... шџхџэуз-гуузым хџафгџ.*

fahrijə	šhe-wəz-g ^w ə-wəzə-m
Фахри	голова-боль-сердце-боль-OBL
хе-фа-в.	
LOC-падать-PST	

‘Фахри ... впал в беспокойство (букв. “упал в голову-сердечную боль”)’. [Айщэт Мџшбэшлэ Исхьяк]

(30) *Ау Шлуцлџџор лџшзэу гузџџогу ифагџ.*

aw š ^w əč ^ʔ eq ^w e-г	леš-ew
но Шуцков-ABS	сильный-ADV
g ^w əzež ^w e-в ^w	ја-фа-в.
торопиться-NMLZ.TEMP	LOC-падать-PST

‘Но Шуцков вынужден был очень торопиться’. [Адыгэ Макъ 31.07.2017]

Модель 6: стативизация

Ещё одна модель семантического сдвига, характерная для адыгейского глагольного корня *-fe-*, является скорее не метафорой, а результивной метонимией в терминах Г.И. Кустовой [25] и Е.В. Падучевой [26]. Этот корень может стативизироваться и приобретать значение ‘помещаться, входить в’, профилируя, как и в своих исходных употреблениях, конечную точку — результат падения и оформляясь различными локативными префиксами — в зависимости от типа конечной точки, ср. примеры (31)–(32).

(31) *Хџабџхџу Аскџр ыгџџклџџџыгџџџ стадионџу ав-томашини 100 зылуфџџт уџунлџр зилџр лухџџ-лукл.*

habex ^w	asker	ə-ke-č ^ʔ e-ž ^ʔ ə-ke
Хабаху	Аскер	3SG.ERG-CAUS-новый-RE-PST
stadjəwen-ew	avtemašjən-jə 100	
стадион-ADV	автомобиль-LNK 100	
zə-ʔ ^w ə-fe-š ^ʔ t	wəč ^w ə-pe-г	
REL.IO-LOC-падать-FUT	вставать-NMLZ.LOC-ABS	

z-jə-ʔe-г

REL.IO-POSS-БЫТЬ-ABS

ʔwəhe.ʔwəçʔ.

оживленный

‘Обновленный Аскером Хабаху стадион, возле которого на стоянке поместятся 100 автомобилей, оживленное место’. [Адыгэ Макъ 19.07.2017]

(32) *Зэк/эмк/и ащ нэбгырэ 15 члафэ.*

zeçʔe-m-çʔ-jə

a-šʔ

nebgəre

BCE-OBL-INS-ADD

TOT-OBL

человек

15 ça-fe.

15 LOC-падать

‘Всего там [в здании] помещаются 15 человек’. [Адыгэ Макъ 06.03.2013]

Таким образом, комбинации корня *-fe-* с различными локативными префиксами — т.е. ситуации падения сверху с фокусом на конечной точке — развивают большое количество переносных употреблений. Однако, несмотря на их разнообразие, они все объединены двумя общими идеями: во-первых, обозначаемые такими глаголами ситуации представляются как неконтролируемые, а во-вторых, в каждой из таких ситуаций важную роль играет “совмещение” — итоговый контакт, пересечение или взаимодействие двух элементов (траектора и конечной точки). Первая идея, несомненно, связана с семантикой исходной ситуации падения как неконтролируемого движения вниз. Вторая же, по-видимому, возникает за счет ярко выраженной тенденции корня *-fe-* к профилированию конечной точки.

4.2. Метафоры падения в результате открепления: LOC-зə-

Глагольная основа *-зə-* обозначает падение объекта в результате открепления и, в отличие от *-fe-*, может вводить только начальную точку перемещения. Для различных комбинаций этой основы с локативными аффиксами также характерны разные переносные употребления.

4.2.1. Утрата признака или эмоции: рəзə-

Комбинация глагольного корня *-зə-* с префиксом *рə-*, восходящим к слову ‘нос’ и обозначающим нахождение одного объекта на кончике другого, в буквальном значении используется в контекстах, предполагающих падение объекта с крючка, с гвоздя, с ветки и под. В переносных употреблениях эта комбинация означает отделение части от целого (или одного объекта от другого), где хотя бы один из участников — не физическая, а абстрактная сущность. В зависимости от того, какая именно связь разрушается, т.е. от того, что выступает в роли траектора и начальной точки, глагольная форма может принимать разные значения.

Как и в случае с глагольной основой *-fe-*, одним из участников метафорической ситуации часто оказывается человек. Если человек — начальная точка падения с откреплением, то позицию траектора могут занимать разного рода эмоции, например, тревоги, см. (33). Подобная метафора встречается, например, в панджаби и в немецком. Кроме того, в роли траектора может выступать цвет, и тогда вся конструкция будет означать, что человек побледнел (букв. “от него отвалился цвет”), см. пример (34).

(33) *...гумэк/ыгъоу улэхэри ппызыжъынхэу...*

gʷəteçʔə-ɣʷ-ew

беспокоиться-NMLZ.TEMP-ADV

w-jə-ʔe-xe-г-jə

2SG.IO-POSS-БЫТЬ-PL-ABS-ADD

p-рə-зə-žʔə-n-x-ew

2SG.IO-LOC-падать-RE-MOD-PL-ADV

‘...и чтобы все тревоги оставили (упали с) тебя... (часть пожелания)’. [Адыгэ Макъ 20.02.2013]

(34) *Тлуми ашъо пызыгъ.*

tʷə-m-jə

a-šʷe

рə-зə-в

два-OBL-ADD

3PL.PR-цвет

LOC-падать-PST

‘Они оба побледнели (цвет упал)’. [Адыгэ Макъ 24.04.2013]

4.2.2. Потеря контроля: ʔерəзə-

Близкое к только что рассмотренному значению имеет комбинация глагольного корня *-зə-* с префиксом *ʔерə-*, восходящим к слову ‘рука’. В прямых употреблениях словоформа *ʔерəзə-* обозначает выпадение объекта у человека из рук, и в переносном значении за человеком сохраняется роль начальной точки, однако буквальное открепление сменяется потерей контроля. Так, например, человек может что-то говорить *упавшим* (букв. “выпавшим из рук”) голосом — т.е. слабо контролируемым из-за охвативших человека эмоций, см. (35), а может “потерять язык” (как средство общения), т.е. перестать им владеть, утратить способность использовать его в процессе коммуникации (36).

(35) *...Лъэустэн Юсыф ымакъэ къылэпызыгъэу къылуагъ*

lewəsten

jusəf

ə-maqe

Тлюстен

Юсуф

3SG.PR-голос

qə-ʔe.pə-зə-в-ew

DIR-LOC-падать-PST-ADV

q-ə-ʔʷa-в.

DIR-3SG.ERG-говорить-PST

‘Сказал Юсуф Тлюстен упавшим голосом’. [Чыгу-огу зэнэсым сыда шылэр? Мэщбэшлэ Исхакъ]

(36) *Бээр зылэпызыжъыр лъэккхэр мэк/одыжъых, нэмык/ лъэккхэм ахэтк/ухъажъых.*

bze-г

зə-ʔe.pə-зə-žʔə-re

язык-ABS

REL.IO-LOC-падать-RE-DYN

лерq-xe-г

me-kʷedə-žʔə-x,

народ-PL-ABS

DYN-пропадать-RE-PL

пемэц' лерq-хе-т
 другой народ-PL-OBL
 а-хе-тк'э-ха-ž'э-х.
 3PL.IO-LOC-таять-входить-RE-PL

‘Народы, утрачивающие (букв. “роняющие”) язык, исчезают, растворяются в других народах’. [Адыгэ Макъ 18.12.2013]

4.2.3. Отставание, выпадение из группы: рəžə-

Когда человек выступает в роли траектора, начальной точкой, с которой он теряет связь, может быть группа людей, от которой он отстал или “откололся” – вступил в противоречие, см. (37) (аналогичная метафора засвидетельствована в китайском), или процесс, в котором он по той или иной причине не принимает участие, хотя должен был или мог бы (ср. русск. *вытасть из процесса*). В ситуациях с процессом возникает дополнительное любопытное противопоставление, связанное с наличием или отсутствием в глагольной словоформе показателя рефактива -ž'э-, прототипически маркирующего возврат к исходному состоянию. Так, в примере (38) глагольная основа -žə- сопровождается аффиксом рефактива и обозначает окончание работ (“открепление” от работы как возврат к исходному состоянию, “освобождение”). Аналогично может “освободиться” до того занятый чем-то период времени, ср. (39). В примере (40), где в глагольной форме этого показателя нет, у человека по каким-то причинам не получается встроиться в процесс, как правило, потому, что он не успевает, “отстает”.

Заметим, что ситуации “открепления” человека и от группы, и от процесса интерпретируются как отставание, а не опережение, что может быть связано с исходной семантикой разрушения связи, влекущей за собой идею негативной оценки. Нейтрализуется эта идея только показателем рефактива, вводящим идею возврата к первоначальному состоянию, т.е. к норме.

(37) *Ау чыристан зэхэцэггэ купым ахэр ежьхэм апызыггэхэк'лэ алгытаггэх.*

aw č'ərjəstan ze-хе-š'e-ке
 но христианин REL.IO-LOC-вести-PST
 k'wəpə-m а-хе-г jež'-хе-м
 группа-OBL TOT-PL-ABS сам-PL-OBL

а-рə-žə-ке-хе-ž'e
 3PL.IO-LOC-падать-PST-INS
 а-лəta-ке-х.
 3PL.ERG-считать-PST-PL

‘Но собравшиеся христиане посчитали их (других) отделившимися / отколовшимися’. [Исус – тэ тинасып Вильгельм Буш]

(38) ... *мэфэ лофулэнхэми кьапызыжыггэу ... Шəбəкəуицыр ихьак'лэц исыгг.*

mefe ʔwef-še-n-хе-м-жə
 день работа-делать-MOD-PL-OBL-ADD

q-a-pə-žə-ž'ə-к-ew

DIR-3PL.IO-LOC-падать-RE-PST-ADV
 šebeq'wəpš'ə-г jə-hač'eš'
 Шебакупшев-ABS POSS-кунацкая
 jə-sə-к.
 LOC-сидеть-PST

‘...закончив дневные работы, Шебакупшев сидел в своей кунацкой’. [Адыгэхэр Мəшбəш'лэ Исхьак']

(39) *Сабыйхэм яеджэн кьытызырə уахьтэм унэггə лофыр аггэцак'лэцтыггэ.*

sabəj-хе-м ja-jež'en
 ребенок-PL-OBL 3PL.IO+POSS-учеба
qə-pə-žə-re wəxte-m
 DIR-LOC-падать-DYN время-OBL
 wənek'we ʔwefə-г
 семья дело-ABS
 а-кəсаč'e-š'tə-ке.
 3PL.ERG-выполнять-AUX-PST

‘В оставшееся (букв. “отвалившееся”) от учебы время дети занимались домашними (букв. “семейными”) делами’. [Адыгэ Макъ 20.12.2011]

(40) *Мэфэ лофулэнхэм кьапызыгг*

mefe ʔwef-še-n-хе-м
 день работа-делать-MOD-PL-OBL

q-a-pə-žə-к

DIR-3PL.IO-LOC-падать-PST

‘Он опоздал на дневные работы (и не принял в них участия)’ [носитель]

4.2.4. Неожиданное появление: jəžə-

В сочетании с префиксом jə- глагольная основа -žə- означает выпадение из контейнера. В метафорических употреблениях начальная точка, которую вводит эта словоформа, не специфицируется, а вся конструкция обозначает внезапное появление человека или любого другого объекта, ср. пример (41).

(41) – *Тыдэ укьызыгг, сшыпху, сыда нц'лэри?*

təde wə-q-jə-žə-к
 где 2SG.ABS-DIR-LOC-падать-PST
 čərx'w səd-a p-се-г-jə
 1SG.PR+сестра что-Q 2SG.PR-имя-ABS-ADD
 ‘Откуда ты (вдруг) взялась, сестра, и как тебя зовут?’ [Анахык'лэр анахь клас Хьак'лэмызэ Биболэт]

4.2.5. Неудача: рхəгəžə-

Локативный преверб рхə.рə- маркирует движение через, сквозь ориентир. Глагол рхəгəžə- в прямом значении описывает ситуации, в которых объект проваливается сквозь слой или через внезапно образовавшееся отверстие в опорной поверхности, ср. (42). Метафорически этот глагол может обозначать неудачу, см. (43), однако вполне вероятно, что такое употребление калькировано с русского *провалиться на экзамене*. Это предположение дополнительно

подтверждается тем, что глагол *pxəɾəzə-* в значении неудачи описывает исключительно экзамены и не распространяется на другие подобные ситуации (соревнования, выступления и проч.).

(42) *Мылым пхырызыгъ*
 mələ-m **pxə.ɾə-zə-ɨ**
 лед-OBL LOC-падать-PST
 'Он провалился под лед' [носитель]

(43) *Мурат университетым члэхьагъэн, апэрэ экзаменым пхырызыгъ.*

mwərat ʔwənjəvjersjətjetə-m
 Мурат университет-OBL
 ɕe-ha-ɨ-er, ekzəmjənə-m
 LOC-входить-PST-NEG экзамен-OBL
pxə.ɾə-zə-ɨ.
 LOC-падать-PST

'Мурат не поступил в университет, провалился на экзамене'. [носитель]

Тем самым все метафорические употребления глагольного корня *-zə-*, в противовес переносным значениям корня *-fe-*, связаны с идеей потери контакта, что закономерно проистекает из особенностей его исходной семантики открепления.

4.3. Метафоры падения с разрушением: потеря функциональности

Для обозначения ситуаций падения с разрушением в адыгейском языке нет специализированного глагольного корня. Ситуации обрушения мостов, зданий, сооружений и подобных им природных объектов (таких как берег или скала) описываются глаголом падения с высоты *-fe-* и глаголом падения вследствие открепления *-zə-*, а также глаголами из смежных семантических зон *teq^we-* 'сыпаться' и *-we-* 'бить'. Примечательно, что для обозначения падения с разрушением эти корни получают одинаковое морфологическое оформление: присоединяют показатель реципрока *ze-* и локативный префикс *xe-*. Формы *zəxəzə-* и *zəxəteq^we-* развивают одинаковую метафору, типологически регулярную для слов с такой исходной семантикой: обозначают разрушение абстрактных конструкций, чаще всего государств или других организаций и объединений, ср. (44)–(45).

(44) *дзэу Мосэ зыхэтыр зэхэзыгъагъ.*
 z-ew mwese zə-xe-tə-ɾ
 армия-ADV Мос REL.IO-LOC-стоять-AVS
ze-xe-zə-ɨa-ɨ.
 REC.IO-LOC-падать-PST-PST
 'Армия, в которой служит Мос, развалилась'.
 [Адыгэ Макъ 2014]

(45) *А хъугъэ-шлэгъэ иным ыпкъ кык/эу империеш-хо зауэ зэхэтэкъуагъ*

А х^wəke.ʃʔewe jənə-m ə-pq
 тот событие большой-OBL 3SG.PR-тело

q-jə-ɕ'-ew.
 DIR-LOC-выходить-ADV
 jəmpjerjəje-ʃx^we zawəle
 империя-AUG несколько

ze-xe-teq^wa-ɨ

REC-LOC-сыпаться-PST

'Вследствие этого важного события разрушилось несколько великих империй'. [Адыгэ Макъ 2014]

Комбинация корня *-fe-* с показателем реципрока и локативом *xe-* также передает значение 'падать в обморок, терять сознание' (46), т.е. обозначает потерю функциональности у человека. Аналогичная комбинация аффиксов с корнем *-we-* используется для описания ситуаций, когда человек теряет в весе, и это связывается говорящим с его болезненным состоянием (47), ср. русск. *осунуться*.

(46) *Емланэ фэмьлэк/ыжъэу кызэхэфагъ.*

jətane fe-mə-ʔeɕ'-ə-ʔ'-ew
 затем BEN-NEG-терпеть-RE-ADV
qə-ze-xe-fa-ɨ

DIR-REC.IO-LOC-падать-PST

'Потом, не в силах больше терпеть, он потерял сознание'. [Адыгэ Макъ 18.05.2016]

(47) *Плэгъугъэк/и, кбэмыш/эжбынэу зэхэуагъ, ы/уш/лэхэр кыугъэх, джанэу шыгъыри кыщэлэлы.*

p-ʔek^wəke-ɕ'-jə, qe-mə-ʃe-ʔ'-ə-n-ew
 2SG.ERG-видеть-INS-ADD DIR-NEG-знать-RE-MOD-ADV
ze-xe-wa-ɨ,

REC-LOC-бить-PST

ə-ʔwəpʃe-xe-ɾ

3SG.PR-губа-PL-ABS

ʒ'an-ew

платье-ADV

qə-ʃ'-e-lelə.

DIR-LOC-DYN-болтаться

'Если б ты даже и увидел ее, она осунулась до неузнаваемости, губы выпятились, платье на ней болтается'. [Чыгу-огу зэнэсым сыда шылэр? Мэшбэшлэ Исхьакъ]

5. Заключение

Итак, мы очертили круг переносных употреблений глаголов падения в адыгейском языке и показали, что, во-первых, у некоторых глаголов (а именно у *-fe-* и *-zə-*) метафорических значений очень много, а во-вторых, что почти все рассмотренные модели переносов в этой зоне находят параллели в других языках.

Материал, который мы обсудили в этой статье, кажется нам интересным сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, он вносит существенный вклад в лексическую типологию глаголов падения. Особенности семантического поля падения уже достаточно подробно изучены по данным более 40 языков в рамках проекта группы MLexT (см. [11]): очерчена система возможных лексических

противопоставлений в рамках прямых употреблений глаголов падения, а также выявлены основные модели семантических переходов, характерных для слов с такой исходной семантикой. Однако в большинстве языков выборки, охваченной проектом MLexT, представлены так называемые доминантные системы: есть один глагол, который покрывает большую часть значений поля, и именно этот глагол и развивает наибольшее количество метафор. Такого рода данные позволяют делать только очень общие предположения относительно семантических источников метафорических сдвигов. Для установления связей между прямыми и переносными значениями особенно ценны данные языков с “дистрибутивными” системами, для которых характерно лексическое маркирование всех (или почти всех) потенциально возможных семантических противопоставлений, — в таких случаях можно более надежно определить, какие именно семантические компоненты обуславливают развитие той или иной метафоры. Такие языки также присутствуют в выборке, однако во многих из них (например, в агульском и чукотском) засвидетельствовано крайне мало переносных значений глаголов падения, что опять же не позволяет рассуждать о деривационном потенциале каждого из типов буквальных употреблений соответствующих лексем. Адыгейский язык оказывается удачным исключением: в нем выделяется несколько глаголов с достаточно узкими исходными значениями (при полном отсутствии лексической доминанты, которая покрывала бы все значения поля), и некоторые из них развивают очень богатую сеть переносных употреблений. Такие данные позволяют существенно уточнить общие модели семантических сдвигов, выявленные на материале других языков.

Во-вторых, само по себе обилие метафор у адыгейских глаголов падения кажется необычным. Адыгейский относится к малым языкам с очень молодой письменной традицией, почти все его носители двуязычны (свободно владеют русским языком), из-за чего и область его функционирования ограничена. Все другие языки выборки, для которых характерна аналогичная социолингвистическая ситуация и в которых исследовались модели семантических сдвигов глаголов падения (агульский, чукотский, коми-зырянский, мокшанский, хантыйский), демонстрировали значительно меньший уровень разнообразия переносных употреблений, вне зависимости от того,

доминантный или дистрибутивный тип системы прямых значений в них представлен. Кроме того, идея относительно небольшого количества метафор в малых языках без богатой письменной традиции неоднократно высказывалась разными исследователями независимо друг от друга, ср., например, [5], [27].

Обилие метафор падения в адыгейском языке может быть связано с несколькими факторами. Так, часть метафор, по-видимому, калькирована с русского (ср. “провал” на экзаме́не), однако подчеркнем, что многие переносные употребления адыгейских глаголов падения совсем не характерны для их русских переводных эквивалентов, а связь ряда других употреблений адыгейских глаголов с их русскими аналогами неочевидна и требует дополнительного изучения. Возможно, обилие метафор объясняется в том числе особенностями рассмотренного нами семантического поля: глаголы падения относятся к базовой лексике, и некоторые из формируемых ими переносов обозначают бытовые и вместе с тем абстрактные ситуации, которые можно описать и осмыслить только метафорически (ср. [3, с. 147]), например, одновременность двух ситуаций (см. пример (21)). Для малых языков в силу отсутствия письменной традиции могут быть нехарактерны сложные художественные метафоры (ср. стимул *Le paysage se baigne dans les rayons du soleil* ‘Пейзаж купается в лучах солнца’ из анкеты, представленной в [28], который невозможно адекватно перевести на многие африканские языки), но, по-видимому, можно выделить круг более базовых, “бытовых” семантических сдвигов, которые развиваются и в языках с ограниченным жанровым разнообразием (см. ряд примеров такого рода в [29] или в Каталоге семантических переходов DatSemShift (<http://datsemshift.ru/shifts>), [10]). Вполне вероятно, что среди таких сдвигов будут преобладать метонимии, а не метафоры (ср. [27]), но это отдельная теоретическая проблема, которую мы вынуждены в рамках этой работы оставить в стороне.

Наконец, в-третьих, результаты нашего исследования поднимают важный для практической полевой лексикографии вопрос методологии сбора такого рода данных. Вполне возможно, что адыгейский язык оказывается так богат на метафоры в этой семантической области в том числе потому, что мы располагаем мощным инструментом для их обнаружения: корпусом текстов. Конечно, те или иные

реализации почти всех рассмотренных нами типов сдвигов встречаются и в других языках, что могло бы позволить составить достаточно подробную анкету для элицитации переносных значений. Однако сложность заключается в том, что конкретные модели могут быть разными в разных языках, и это существенно затрудняет задачу разработки анкеты. Например, при том, что в языках выборки нередко встречались ситуации употребления глагола падения для обозначения совпадения (ср. *Праздник выпал на воскресенье*), абстрактная ситуация случайного появления человека в определенном месте и в определенное время (ср. пример (22)) встретила нам только в адыгейском языке, и мы едва ли могли бы засвидетельствовать это значение, если бы не нашли соответствующие примеры в корпусе. Подобные метафорические употребления настолько конвенционализированы и встроены в структуру языка, что носители не отдают себе отчета в том, что используют ту или иную лексическую единицу в переносном значении: им сложно вспоминать и воспроизводить такие примеры без очень точного стимула, а точный стимул во многих случаях невозможно подобрать из-за большого разнообразия реализаций одной и той же метафорической модели в разных языках. Наличие корпуса позволяет свести эту проблему к минимуму.

Конечно, нужно иметь в виду, что основу используемого нами корпуса составляют публицистические тексты, для которых употребление слов в переносных значениях характерно в большей степени, чем для разговорной речи (см., например, [27]). Тем не менее корпусные данные — это надежная точка отсчета и очень важное дополнение к типологической анкете: в дальнейшем естественность и продуктивность засвидетельствованных в корпусе моделей семантических сдвигов можно проверять с носителями языка, что мы и сделали в рамках данного исследования.

Таким образом, наш материал позволяет посмотреть на проблему метафор в малых языках под другим углом: мы предполагаем, что их не так мало и они не настолько экзотические, как иногда считается. В последнее время все больше малых языков, в том числе бесписьменных, обеспечиваются корпусами (в том числе основанными на записях устной речи), а параллельно с этим в ходе лексико-типологических исследований составляются подробные анкеты для разных семантических зон, в том

числе абстрактных. Мы считаем, что эти два инструмента позволят открыть новые горизонты в области исследований семантических сдвигов в малых языках.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив (падеж/префиксальная серия); ADD — аддитив; ADV — адвербиалис; ASRT — ассертив; AUG — аугментатив; AUX — вспомогательная основа; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; COND — кондиционалис; COORD — сочинение; CS — консекутив; DAT — дативный преверб; DIR — директив; DFCL — дифисилитив; DOWN — директивный суффикс 'низ'; DYN — динамичность; ELAT — элативная огласовка; EMPH — эмфатический суффикс; ERG — эргативная серия; FACT — фактивный аппликатив; FUT — будущее время; INS — инструменталис (падеж); IO — не-прямой объект (префиксальная серия); LAT — лативная огласовка; LNK — соединительная морфема; LOC — локативный преверб; MNR — аппликатив образа действия; MOD — модальный суффикс; NEG — отрицание; NMLZ.LOC — номинализация со значением места; NMLZ.TEMP — номинализация со значением времени; OBL — косвенный падеж; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессив; PR — посессор; PRED — местоименная предикативность; PST — прошедшее время; Q — вопрос; RE — рефактив/реверсив; REC — реципрок; REL — релятив; RFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — одновременность; STEM — основа; TRANS — инструментальный аппликатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 1980. 242 p.
2. Croft, W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Cognitive Linguistics*, 4(4), 2009. Pp. 335–370. <https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.4.335>
3. Gibbs, R.W. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 2008.
4. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford University Press, 2010. 400 p.
5. Idström, A., & Piirainen, E. (Eds.) *Endangered Metaphors*. John Benjamins Publishing Company, 2012. 376 p. <https://doi.org/10.1075/clsc.2>

6. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый Подход к лексической типологии // Вопросы языкознания, № 2, 2013. С. 3–31.
7. Rakhilina, E., Reznikova, T. A Frame-based Methodology for Lexical Typology. In P. Juvonen & M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.) // *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. Pp. 95–129.
8. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (Ред.). Глаголы движения в воде: Лексическая типология. М.: Индрик, 2007.
9. Резникова Т.И., Выренкова А.С., Орехов Б.В., Рыжова Д.А. (ред.). Рахилина Е.В. (сост.) Глаголы звуков животных: Типология метафор. М.: Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
10. Zalizniak, A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., & Russo, M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // *New Directions in Lexical Typology*. [Special Issue]. *Linguistics*, 50(3), 2012. Pp. 633–669.
11. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
12. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
13. Berlin, B., & Kay, P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Univ. of California Press, 1969. 178 p.
14. Majid, A., Boster, J.S., & Bowerman, M. The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of cutting and breaking. *Cognition*, 109(2), 2008. Pp. 235–250. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.08.009>.
15. Majid, A. Comparing Lexicons Cross-linguistically. In J.R. Taylor (Ed.), *The Oxford Handbook of the Word*. Oxford University Press, 2015. Pp. 364–379. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199641604.013.020>.
16. Тхаркахо Ю.А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 304 с.
17. Блягоз З.У. Адыгейско-русский и русско-адыгейский словарь = Адыгэ-урис ыкIи урыс-адыгэ гушыIаль / Блягоз З.У., Кесебежева Н.И. (ред.) Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2000. 129 с.
18. Багироква И.Г., Рыжова Д.А. Глаголы падения и особенности их аргументной структуры в адыгских языках // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
19. Резникова Т.И., Рахилина Е.В., Рыжова Д.А. Типология метафор падения // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
20. Культепина О.А. LESS IS DOWN: Корпусный анализ структуры метафорического значения русских глаголов *падать* и *упасть* // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
21. Берсиров Б.М. Структура и история глагольных основ в адыгских языках. Майкоп: ГУ-РИПП Адыгея, 2001. 235 с.
22. Ванеян С.С., Толдова С.Ю., Железнова (Наумова) В.А. Глаголы падения в казымском диалекте хантыйского языка // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
23. Жукова М.В., Кор Шаин И. Французский глагол *tomber* и его синонимы: сверху вниз и не только // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
24. Хохлова Л.В. Семантическое поле падения в трех родственных новоиндийских языках: хинди-урду, панджаби и гуджарати // Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения / *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. 16.1. (в печати)
25. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
26. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексик. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
27. Елосева Ф.А., Перехвальская Е.В., & Саусверде Эрика. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания, № 1, 2014. С. 78–99.
28. Bouquieux, L., Thomas, J.M.C. Enquête et description des langues a tradition orale. Paris, 1976. 950 p.
29. Juvonen, P., & Koptjevskaja-Tamm, M. (Eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Walter de Gruyter, 2016. 600 p.

REFERENCES

1. Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 1980. 242 p.
2. Croft, W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies. *Cognitive*

- Linguistics*, 4(4), 2009. Pp. 335–370. <https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.4.335>
3. Gibbs, R.W. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 2008.
 4. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford University Press, 2010. 400 p.
 5. Idström, A., & Piirainen, E. (Eds.) *Endangered Metaphors*. John Benjamins Publishing Company, 2012. 376 p. <https://doi.org/10.1075/clsc.2>
 6. Rakhilina, E., & Reznikova, T. *Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii* [A Frame-based Approach to Lexical Typology]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], No. 2, 2013, pp. 3–31. (In Russ.)
 7. Rakhilina, E., & Reznikova, T. A Frame-based Methodology for Lexical Typology. In P. Juvonen & M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. Pp. 95–129.
 8. Maisak, T., Rakhilina, E. (Eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya* [Verbs of Aquamotion: Lexical Typology]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 752 p. (In Russ.)
 9. Reznikova, T., Vyrenkova, A., Orekhov, B., Ryzhova, D. (Eds.), Rakhilina, E. (compiler). *Glagoly zvukov zhivotnyh: Tipologiya metafor* [The Verbs of Animal Sounds: The Typology of Metaphors]. Moscow, Jazyki Slavjanskoj Kultury Publ., 2015. 400 p. (In Russ.)
 10. Zalizniak, A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., & Russo, M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology. *New Directions in Lexical Typology*. [Special Issue]. *Linguistics*, 50(3), 2012. Pp. 633–669.
 11. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *Tipologiya glagolov padeniya* [The Typology of the Verbs of Falling]. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 12. Apresyan, Yu. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymous Means of a Language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 366 p. (In Russ.)
 13. Berlin, B., & Kay, P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Univ. of California Press, 1969. 178 p.
 14. Majid, A., Boster, J.S., & Bowerman, M. The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of cutting and breaking. *Cognition*, 109(2), 2008. Pp. 235–250. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.08.009>.
 15. Majid, A. Comparing Lexicons Cross-linguistically. In J.R. Taylor (Ed.), *The Oxford Handbook of the Word*. Oxford University Press, 2015. Pp. 364–379. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199641604.013.020>.
 16. Tkharakho, Yu. *Adygejsko-russkij slovar* [Adyghe-Russian Dictionary]. Majkop: Adyghe Book Publ., 1991. 304 p. (In Russ.)
 17. Bljagoz, Z. *Adygejsko-russkij i russko-adygejskij slovar = Adyge-urys ykIi urys-adyge gushchyIal* [Adyghe-Russian and Russian-Adyghe Dictionary]. Bljagoz, Z., Kesebezheva, N. (Eds.). Majkop: Adyghe Republic Publ., 2000. 129 p. (In Russ.)
 18. Bagirokova, I., Ryzhova, D. *Glagoly padeniya i osobennosti ih argumentnoj struktury v adygskih yazykah* [Verbs of Falling and Their Argument Structure in Circassian Languages]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 19. Reznikova, T., Rakhilina, E., Ryzhova, D. *Tipologiya metafor padeniya* [Typology of the Metaphors of Falling]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 20. Kultepina, O. *LESS IS DOWN: Korpusnyj analiz struktury metaforicheskogo znacheniya russkikh glagolov padat i upast* [LESS IS DOWN: Corpus-based approach for structure analysis of metaphorical sense of verbs *padat* and *upast*]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 21. Bersirov, B. *Struktura i istoriya glagol'nyh osnov v adygskih yazykah* [The Structure and the History of Verb Stems in Circassian]. Maykop: GURIPP Adygeya, 2001. 235 p. (In Russ.)
 22. Vaneyan, S., Toldova, S., Zheleznova (Naumova), V. *Glagoly padeniya v kazymskom dialekte hantyjskogo yazyka* [Verbs of Falling in Kazym Khanty]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 23. Zhukova, M., Kor Chahine, I. *Francuzskij glagol tomber i ego sinonimy: sverhu vniz i ne tolko* [The French Verb *tomber* and its Synonyms: From the Top Down and Beyond]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
 24. Khokhlova, L. *Cemanticheskoe pole padeniya v trekh rodstvennyh novoindijskikh yazykah: hindi-urdu, pandzhabi i gudzharati* [Semantic Domain of Falling in Three Related Indo-Aryan Languages: Hindi-Urdu, Punjabi and Gujarati]. Rakhilina, E., Reznikova, T., Ryzhova, D. (Eds.). *The Typology of the Verbs of Falling*. [Special Issue]. *Acta*

- Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.1. (in print) (In Russ.)
25. Kustova, G. *Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derived Meanings and Modes of Language Extension]. Moscow, Jazyki Slavjanskoj Kultury Publ., 2004. 472 p. (In Russ.)
26. Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of the Lexicon]. Moscow, Jazyki Slavjanskoj Kultury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)
27. Elojeva, F., Perekhval'skaja, E. & Sausverde, E. *Metafora i evristicheskaya funkciya yazyka (byvaet li yazyk bez metafor)* [Metaphor and the Heuristic Function of the Language (Can There Exist a Language without Metaphors)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. No. 1, 2014, pp. 78–99. (In Russ.)
28. Bouquieux, L., Thomas, J.M.C. *Enquête et description des langues a tradition orale*. Paris, 1976. 950 p.
29. Juvonen, P., & Koptjevskaja-Tamm, M. (Eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Walter de Gruyter, 2016. 600 p.